

Глава III

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ИСТОРИИ ТЕКСТА

Терминология текстолога зависит от его общих представлений об истории текста. Эти представления очень неустойчивы, а поэтому неустойчива сама терминология. Помимо терминов «редакция», «извод», «архетип», «протограф», «авторский текст», означающих различные по своему типу этапы в развитии текста, текстологами предлагаются другие: «первосписок» (Н. А. Мещерский), «гипархетип» (П. Маас), «прототип» или «антиграфон» (А. Дэн) и др. Нет, однако, нужды усложнять научное изложение новыми терминами и понятиями. Остановимся только на наиболее употребительных и постараемся уточнить их содержание на основе современных научных представлений об истории текста произведения. Определений понятий давать не будем.

Обратимся прежде всего к понятию «текст».

Текст

Термин «текст» очень часто употребляется в современной текстологии, в археографии и палеографии. Понятие «текст», однако, недостаточно дифференцировано.

Мы можем говорить о тексте произведения и о тексте одного какого-либо списка произведения. Само собой разумеется, что оба текста будут различаться. С другой стороны, будут ли два текста или один в списке, в который внесены смысловые и стилистические поправки другим почерком? Несомненно — два, хотя и схожих. А если поправки внесены тем же почерком? Тут могут быть два решения. Если исправления сделаны позднее, чем

написан первоначальный текст, то мы можем говорить о двух текстах, соответствующих двум этапам понимания текста писцом. Ну, а если писец писал и сразу же исправлял? Разъединить два текста как тексты цельные и внутренне законченные в этом случае невозможно, поэтому под текстом такого списка надо понимать текст окончательных правок, хотя колебания писца сами по себе представляют очень большой интерес и должны быть теми или иными способами учтены и объяснены. Они также представляют собой элементы текста, но текста неустойчивого. Предположим далее, что писец правит свой текст не с точки зрения его содержания, стиля и языка, а исправляет только орфографию и графику. Такого рода правка не создает нового текста.

Текст выражает произведение в формах я з ы к а. Следовательно, то, что не относится к формам языка, а относится к формам графики или является результатом случайных описок, случайных пропусков писца или случайных повторений текста, случайных в него вставок — к тексту не относится. Это особенности не текста, а самого списка, рукописи.

В самом деле, допустим, писец особым образом пишет букву «аз»: относится ли это к тексту? Безусловно, нет. Один писец пишет букву «у» как «оу», а другой как «Ѹ»; можем ли мы видеть здесь различие в тексте? Нет, это различие только в графическом выражении текста. А если писец сделал ошибку? Безусловно, и ошибка не является явлением текста: она не входила в намерения писца, он даже ее не заметил; она — не более чем клякса в его тексте, — случайно оброненная с пера чернильная капля. Текст — результат сознательной деятельности человека. Описки, не замеченные самим писцом, не могут быть отнесены к явлениям текста.

А как быть с орфографией? Относятся ли явления орфографии к тексту? Должен прежде всего отметить, что в современных изданиях текстов, в работах по текстологии, археографии и палеографии утвердилось неправильное понимание термина «орфография». Очень часто явления орфографические противопоставляются языковым. В текстологических введениях к изданию того или иного памятника нередко пишется: «Языковые особенности в издании сохраняются полностью; текст передается средствами современной орфографии». Между тем речь идет вовсе не о всех орфографических правилах, тем более о таких, которые несомненно являются частью письменного языка данного периода, а только о графике и о передаче тех или иных вышедших из употребления букв средствами современного алфавита. Поэтому в области орфографии должно быть произведено разграничение: то, что относится к языку, относится и к тексту, явления же графики к тексту не относятся. Приведу пример: «і» и «и»; различие между этими буквами в древнерусских текстах чисто графическое. Другой пример: «ѣ» и «е»; до известного периода (мы не устанавливаем границ этого периода — это дело лингвистов) различие между этими буквами языковое, после оно становится графическим.

написан первоначальный текст, то мы можем говорить о двух текстах, соответствующих двум этапам понимания текста писцом. Ну, а если писец писал и сразу же исправлял? Разъединить два текста как тексты цельные и внутренне законченные в этом случае невозможно, поэтому под текстом такого списка надо понимать текст окончательных правок, хотя колебания писца сами по себе представляют очень большой интерес и должны быть теми или иными способами учтены и объяснены. Они также представляют собой элементы текста, но текста неустойчивого. Предположим далее, что писец правит свой текст не с точки зрения его содержания, стиля и языка, а исправляет только орфографию и графику. Такого рода правка не создает нового текста.

Текст выражает произведение в формах я з ы к а. Следовательно, то, что не относится к формам языка, а относится к формам графики или является результатом случайных описок, случайных пропусков писца или случайных повторений текста, случайных в него вставок — к тексту не относится. Это особенности не текста, а самого списка, рукописи.

В самом деле, допустим, писец особым образом пишет букву «аз»: относится ли это к тексту? Безусловно, нет. Один писец пишет букву «у» как «оу», а другой как «Ѹ»; можем ли мы видеть здесь различие в тексте? Нет, это различие только в графическом выражении текста. А если писец сделал ошибку? Безусловно, и ошибка не является явлением текста: она не входила в намерения писца, он даже ее не заметил; она — не более чем клякса в его тексте, — случайно оброненная с пера чернильная капля. Текст — результат сознательной деятельности человека. Описки, не замеченные самим писцом, не могут быть отнесены к явлениям текста.

А как быть с орфографией? Относятся ли явления орфографии к тексту? Должен прежде всего отметить, что в современных изданиях текстов, в работах по текстологии, археографии и палеографии утвердилось неправильное понимание термина «орфография». Очень часто явления орфографические противопоставляются языковым. В текстологических введениях к изданию того или иного памятника нередко пишется: «Языковые особенности в издании сохраняются полностью; текст передается средствами современной орфографии». Между тем речь идет вовсе не о всех орфографических правилах, тем более о таких, которые несомненно являются частью письменного языка данного периода, а только о графике и о передаче тех или иных вышедших из употребления букв средствами современного алфавита. Поэтому в области орфографии должно быть произведено разграничение: то, что относится к языку, относится и к тексту, явления же графики к тексту не относятся. Приведу пример: «і» и «и»; различие между этими буквами в древнерусских текстах чисто графическое. Другой пример: «ѣ» и «е»; до известного периода (мы не устанавливаем границ этого периода — это дело лингвистов) различие между этими буквами языковое, после оно становится графическим.

Но в области графики могут быть явления, относящиеся к тексту. Так, Н. М. Карамзин часто пишет с прописной буквы некоторые слова — Республика, Гражданин и пр. Это имеет элемент смысла. Футуристы в первой четверти XX в. пользовались различными шрифтами, чтобы выделить в тексте отдельные части, разбить цельность текста. И здесь шрифт имеет отношение к тексту. В древнерусских текстах имеют смысловое значение буквы, слова и строчки, выделенные киноварью.

А как быть с проявлениями малограмотности писца, неумением его передать на письме текст? Это вопрос самый сложный. Во-первых, текстолог должен точно определить, что он понимает под проявлениями «малограмотности». Для древнего периода это понятие не так просто определимо. Во всяком случае, неустойчивость орфографии писца в древнем периоде к проявлениям «малограмотности» не относится. Вместе с тем в «малограмотностях» часто отражается язык писавшего, его живое произношение, синтаксис разговорной речи; поэтому «малограмотность» часто является фактом языка. Язык же, как мы уже сказали, — это форма текста. Поэтому правильнее делить «малограмотность» на «малограмотность» языковую и «малограмотность» графическую (неумение буквами выразить текст — постановка одной буквы вместо другой, или целой группы букв вместо других). Первая «малограмотность», отраженная в письме, — безусловно явление текста. Вторая «малограмотность» может быть признана явлением текста только в том случае, если она носит систематический характер и в какой-то мере является отражением в тексте индивидуальности писца.

Итак, текст — понятие очень сложное. Это понятие требует еще своего изучения¹. Основное, что отделяет текстовые явления от нетекстовых в списке произведения, — это их языковая сущность. К явлениям нетекстовым относится все то, что не может быть признано языковым выражением определенного смыслового ряда.

Произведение

Для текстолога очень важно найти объективные признаки произведения: те, которые позволили бы считать, что не только им некое текстовое целое признается за отдельное произведение, но, главное, и его творцами — авторами, редакторами, переписчиками и т. д. Таким признаком отдельности произведения служит самостоятельность изменений его текста относительно других соседних в рукописной традиции. Допустим, какое-либо летописное повествование не встречается в отдельном виде и изменя-

¹ Советских работ, анализирующих понятие «текст» в разных аспектах, в последние годы появилось довольно много. Из зарубежных исследований укажу на книгу: *H. J. Pos. Kritische Studien über Philologische Methode. Heidelberg, 1923. S. 65.* — У Пosa понятие «текст» рассмотрено под углом зрения гуссерлианства.